

Лезвие придвинулось к горлу Ци Цинцы еще на дюйм.

Холод металла ощущался почти осязаемо, отчего кожа на шее покрылась мурашками, а в горло словно вонзились тысячи крошечных игл.

— Спасите! Система, спаси! В этот раз я точно перегнул!

— Я же просто решил поболтать, откуда мне было знать, что эти мужланы посмеют обнажить сталь прямо в зале заседаний?!

— Я не могу умереть... Мой брат все еще лежит в постели, если я умру, что с ним будет...

Внутри Ци Цинцы уже захлебывался слезами, но его тело, скованное тяжелой броней, не выдало ни единого признака дрожи.

Он не имел права дрожать.

Он прекрасно понимал: если сейчас хоть на миг проявит слабость, рухнет не просто легендарная слава бога войны «Ци Цинюэ», но и его собственная жизнь.

Единственный глаз Ван Ба налился кровью и выглядел пугающе. Он буравил Ци Цинцы тяжелым взглядом, на его перекачанных мышцах вздулись вены — он был подобен дикому зверю, готовому сорваться с цепи.

— Ван Ба! Ты спятил! Живо убери меч!

Ли Гуанли перепугался до смерти. Несмотря на тучное тело, он проявил удивительную прыть: бросился вперед, пытаясь вырвать оружие из рук буяна.

— Пошел вон!

Ван Ба рывкнул и с силой отшвырнул его в сторону. Лезвие не дрогнуло, продолжая уверенно целиться в Ци Цинцы.

— Ци Цинюэ! Это ты?! Только что это ты баловался с призрачными голосами?!

Казалось, этот странный голос слышали все, и только «Ци Цинюэ» не подавал виду.

Либо он действительно ничего не слышал.

Либо он и был тем самым призраком!

Под всеобщими взглядами Ци Цинцы наконец медленно поднял глаза.

Он не смотрел на клинок, замерший у его горла.

Его взгляд прошел сквозь лезвие и сфокусировался на единственном кроваво-красном глазу Ван Ба.

В глазах Ци Цинцы застыло пугающее спокойствие, словно острого металла, способного в мгновение ока лишить его жизни, вовсе не существовало.

В нем читалось высокомерие того, кто стоит на вершине, по отношению к тому, кто находится внизу.

В его сознании замелькали строки, предоставленные системой. Он мгновенно уловил их, структурировал и выделил главное.

— Ключевые слова: Ван Ба, травма глаза, три года назад, Столица, Цуйсюньлоу...

— Цель: Хун Сю.

— Событие: драка из ревности после попойки, оружие увечья: ножка от табуретки.

Этого было достаточно.

Тонкие губы Ци Цинцы наконец разомкнулись.

Его голос звучал тихо, с болезненной хрипотцой, но он с предельной точностью вонзился в самые грязные и пугающие воспоминания Ван Ба.

— Этот глаз генерала Вана...

Он намеренно сделал паузу, с удовлетворением отмечая, как зрачок Ван Ба мгновенно сузился.

— ...пострадал из-за девицы по имени Хун Сю, верно?

Рык Ван Ба оборвался на полуслове.

Ярость на его лице застыла, а затем была смыта волной крайнего ужаса и неловкости.

Хун Сю!

Это имя было для него запретным, от него его бросало в холодный пот по ночам! Это был позор, который он глубоко закопал в душе, обернув слоями фальшивых военных подвигов и славы!

Ци Цинюэ... как он мог узнать об этом?!

— Э-это... это и правда ты! — голос Ван Ба дрожал, он не мог вымолвить ни слова угрозы.

Ци Цинцы говорил медленно, каждое слово звучало предельно отчетливо, будто он пересказывал незначительную старую историю.

— Слышал, тогда генерал Ван выложил целое состояние, но все равно проиграл какому-то гуляке.

— Опьянев, потерял лицо и устроил потасовку.

В зале заседаний воцарилась гробовая тишина, слышен был только голос Ци Цинцы.

— И в итоге...

Ци Цинцы растянул окончание фразы, медленно переводя взгляд вниз, будто разглядывая обычную деревяшку на полу.

— ...слуга противника ударил вас... ножкой от табуретки, выбив глаз.

Он неторопливо срывал с Ван Ба маску героя, нарисованную ложью и кровью, слой за слоем, на глазах у всех.

Надо сказать, после той травмы Ван Ба всем объявил, что якобы защищал простых людей от злодеев. Эта история принесла ему немало похвалы.

Разница между тем, чтобы получить увечье из-за продажной девицы или из-за защиты народа, была колоссальной — это стоило бы ему репутации навсегда.

— Дзынь!

Ван Ба больше не мог удерживать меч.

Оружие, символ его статуса и славы, с резким звоном ударилось о жесткую каменную плиту.

Он пошатнулся и отступил на два шага, врезавшись в стоявший позади стул.

Его тайна, его самый большой позор, был обнажен перед всеми без остатка.

Ван Ба уже представлял, как завтра на утреннем докладе цензоры набросятся на него, словно бешеные псы, почуявшие запах крови, чтобы разорвать на части и завалить императора доносами.

Окружающие генералы стояли, словно куры, которым перехватили горло: рты открыты, но ни звука.

Конечно, они слышали эту городскую сплетню, но кто решился бы произнести хоть слово в лицо Ван Ба?

А теперь «генерал Ци» пересказал этот анекдот при всех, тоном, каким говорят о погоде.

Это была не просто пощечина.

Это было сдирание кожи с лица Ван Ба, чтобы бросить её на землю и растоптать подошвами!

Все присутствующие испытали странное чувство облегчения — хорошо, что не они сейчас тянулись за мечом.

Разве у кого-то из них нет своих постыдных тайн?

Одно дело — когда о них знают, и совсем другое — когда их вот так выставляют напоказ перед всеми. После такого жизни нет.

Взгляд Ци Цинцы медленно переместился с убитого горем Ван Ба на каждого присутствующего.

Он скользнул по Ли Гуанли, и этот жирный толстяк невольно втянул голову в плечи, мгновенно взмокнув от холодного пота.

Он посмотрел на Чжао Куо, и тот, генерал со шрамом на лице, машинально сжал ноги, словно к нему вернулась жгучая боль в заднице.

Каждый, кого касался этот взгляд, чувствовал, что его сокровенные, постыдные мысли обнажены, и эта пара бледных глаз видит их насквозь.

Холод, идущий из глубины души, заставил этих закаленных в боях убийц, не знающих жалости, дружно замолчать.

— Динь! Получено 1000 очков негодования от Ван Ба!

— Динь! Получено 800 очков ужаса от Ли Гуанли!

— Динь! Получено 600 очков страха от Чжао Куо!

...

Череда системных уведомлений прозвучала в голове Ци Цинцы победным маршем.

Страх больше не было — внутри него маленький «я» уже подбочился и хохотал, чувствуя невероятный кайф.

— Попробуйте теперь запугать меня! Поняли, кто здесь батя?!

— Кучка никчемностей, и это вся ваша выдержка? Я и рта не успел раскрыть, как уже вытащил всю подноготную о ваших предках до восемнадцатого колена!

На лице его по-прежнему была болезненная бледность, когда он нагнулся и подобрал холодный меч.

Затем он подошел к Ван Ба.

Под испуганным взглядом того протянул ему рукоять.

— Генерал Ван.

Голос его оставался ровным.

— Держите свой меч крепче.

Но звучало это как угроза.

Ван Ба смотрел на него, губы его мелко дрожали, он не мог вымолвить ни слова.

Взять меч?

Да он теперь и помыслить об этом боялся. Ему хотелось лишь ударить самого себя за то, что совершил такой опрометчивый поступок.

Ци Цинцы не стал настаивать, бросил меч подоспевшему стражнику и повернулся к огромной карте-песочнице, стоявшей на главном месте.

Он обвел присутствующих взглядом. Голос его был тихим, но в нем чувствовалось пробирающее до костей давление.

— Теперь кто-нибудь еще считает, что моя стратегия — лишь пустые слова на бумаге?

Ответа не последовало.

В зале заседаний царила пугающая тишина.

Генералы, до этого демонстрировавшие спесь и непокорность, теперь понурились, словно побитые собаки, даже дышали через раз.

Они наконец до конца осознали одну вещь.

Этот генерал Ци, возможно, только оправился от болезни и не имеет сил даже курицу зарезать.

Но он в сто раз опаснее того бога войны, о котором ходили слухи.

Он не только умеет планировать походы.

Он видит людей насквозь и бьет точно в цель.

Перед ним они — эти прославленные вояки — всего лишь голые дети, не имеющие права на тайны.

Как теперь устоять против него?

— Динь! Поздравляем, задание «Усмирить мужланов» выполнено!

— Награда: очки насмешки +1000, случайный сундук с предметами x1. Доставлено в системный рюкзак.

Ци Цинцы ликовал, но на лице сохранял суровость.

Он протянул бледные длинные пальцы и с нажимом указал на карте местоположение Заставы Хребет Дракона на Северной Границе.

— Сегодня мы обсуждаем не то, будем ли мы сражаться.

— А то, как сражаться, чтобы победить наиболее эффектно.

— Господа, приступим.

В то же время в Императорском кабинете.

Янь Бэйсюань отставил чашку, и едва заметная улыбка на его губах стала задумчивой.

Он подпер подбородок рукой, с живым интересом «слушая» все, что происходило в зале Министерства военного дела.

От того, как Ван Ба выхватил меч, до испуганных криков в голове Ци Цинцы и последующего спокойного ответного удара — он уловил каждое слово.

— Хун Сю... ножка от табуретки...

Янь Бэйсюань тихо повторил эти слова, и в его глазах заискрилось веселье.

Забавно.

Это было поистине забавно.

Он думал, что «Ци Цинюэ» — лишь забавный дурачок, который выбалтывает свои мысли, но оказалось, что он мастер манипуляций и тонкий стратег.

Видя, как гордые и строптивые военачальники, от которых у него самого порой болела голова, были усмирены парой слов «Ци Цинюэ», Янь Бэйсюань испытал невиданное прежде удовольствие.

Словно он сам выковал самый острый и уникальный клинок.

Только вот...

Этот клинок, похоже, знал слишком много.

Янь Бэйсюань ритмично постукивал пальцами по столу.

Ему вдруг стало очень любопытно: сколько еще секретов скрывает этот «Ци Цинюэ», способных удивить его?

Он решил, что, как только совещание закончится, он лично «проверит» его.

Проверит, насколько же этот клинок остер.

<http://bllate.org/book/22366/2345376>